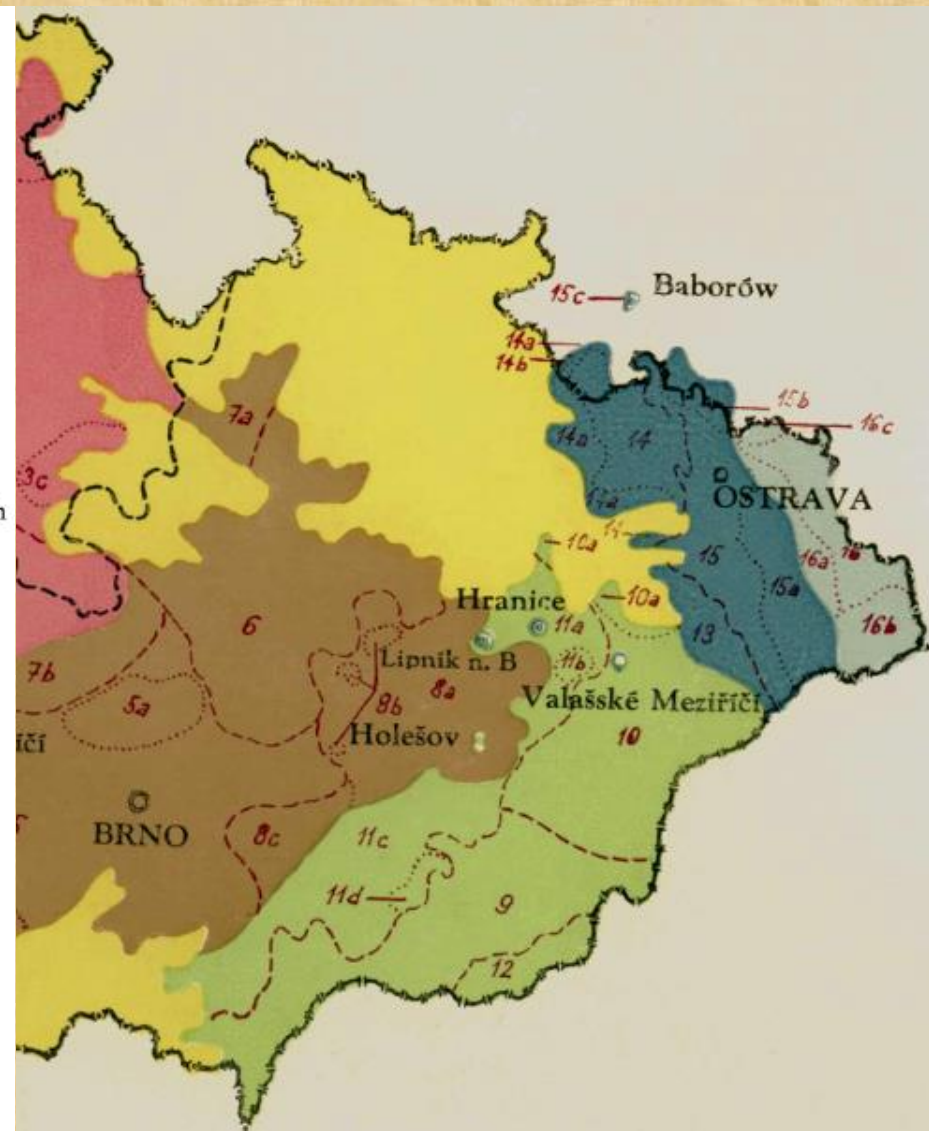

- 13. Jižní (moravská) podskupina
- 14. Západní (opavská) podskupina
- 14a. Jižní a západní okrajové úseky
- 14b. Nářečí branické

- 15. Východní (ostravská) podskupina
- 15a. Nářečí hornoostravické
- 15b. Úsek severohlučínský
- 15c. Zaniklé nářečí baborowské

Силезские говоры характеризуются следующими особенностями в области фонетики:

1. В области консонантизма на всей территории представлены пара $l - l$ и фонемы $ʒ, ʒ$, в большинстве говоров есть мягкие свистящие s', z' (или же их рефлексy) в их противопоставленности твердым. Мягкие губные, напротив, встречаются лишь в окраинных говорах, в большинстве говоров нет и слогаобразующего $ʃ$ ($ʃ$). В части говоров отсутствуют также фонемы t', d' даже в фонетической реализации s', z' .

2. Гласные только краткие, в большинстве говоров их шесть (с i и y как самостоятельными фонемами): i, y, e, a, o, u . В окраинных говорах представлены также семичленные наборы с дополнительной фонемой u или же с дифтонгами je и uo (реже ej (ej) и au) в комбинации с i и y как вариантами одной фонемы.

3а. Согласные *ť, ě, ň* представлены в силезских говорах в большем количестве, чем в говорах центрально-моравских или восточноморавских, поскольку достаточно регулярно встречаются также и перед историческим *e*, включая рефлекс праславянского *ь*. Однако фонемы *ť, ě* на значительной части территории силезских говоров произносятся ассибилировано (как *c', ʒ'*), в части говоров они совпали с *č, ž*, например, *ťicho, ěďďina/c'icho, ʒ'ez'ina/čycho, žezyna; ěmny, ňebuděťe, ěma, dbát, ěň / c'emny, ňebuʒ'ec'e, c'ma, ʒ'bac', zeň / čemny, ňebužěce, čma, žbač, žen*.

3б. Дистрибуция *l* и *l̥* примерно соответствует ситуации в восточно-моравских говорах, при этом в большинстве говоров *l* артикулируется с помощью кончика языка и лишь в периферийных говорах встречается произношение *ɭ*.

3с. Рефлексы праславянских мягких губных представлены в целом в той же степени, в какой они представлены в центрально-моравских и восточно-моравских говорах, при этом на месте мягкого мы находим, как правило, сочетание *mj*. Встречающиеся в периферийных говорах мягкие губные распространены там в целом в той же степени, что и в северной подгруппе восточно-моравских говоров.

3д. Мягкие свистящие *s', z'* в их противопоставленности твердым *s, z* встречаются в позициях перед рефлексами исторических *i* и *ě*, а также праславянских *ę* и *ь*, то есть в тех же позициях, что *ť, ě, ň* в центрально-моравских и восточно-моравских говорах, например, *nos'ic', z'ima; s'eno, na voz'e; pras'a 'prase', z'ac' 'zeť'; hus', kos'ba 'kosení'*. На части территории мягкие свистящие *s', z'* совпали в произношении с шипящими *š, ž* (*nošyč, žyma*), на части – с твердыми *s, z*, как в большинстве чешских говоров.

4а. Фонема *g* представлена в целом в той же степени, что и в центрально-моравских или восточно-моравских говорах.

4б. Фонема *ʒ* встречается в основном в случаях, обусловленных морфонологической аналогией, однако регулярнее, чем в центрально-моравских говорах, например, *pokluʒ'ic' – pokluʒetu, pokluʒac'*; *mizga* 'míza' – дательный падеж ед. числа *mizze*.

Фонема *ʒ* в большинстве говоров мы обнаруживаем в составе группы *žž*, как в центрально-моравских и восточно-моравских говорах, в части говоров также и на месте мягкого *dʒ*, см. выше 3а.

5а. Исторический нетвердый слогаобразующий *l̥* в положении после губных дал *yl* (в некоторых периферийных говорах может быть также *ʲl̥/ʲl̥*), например, *pylny, vyłk, vylna*. Исторический твердый слогаобразующий *l̥*, (включая *< l̥*) в положении после согласного, но не после губного мог дать *lu, u* и *ul*, например, *dłuh, słup; huk, čun; žulč, žulty*. В отличие от центрально-моравских и восточно-моравских говоров, конечный *-l* в эловых причастиях отпадает, например, *ňes/ňis, ved*.

5б. Слогаобразующий *r̥* (в некоторых периферийных реализующийся в виде *ʲr̥/ʲr̥, r̥ʲ/r̥ʲ, yr*), а также сочетание *er* как рефлексy твердого и мягкого слогаобразующих *r̥, r̥ʲ* представлены в целом так же, как и в центрально-моравских и собственно-чешских говорах.

6а. Исторический *y* (в том числе $y < i$), а также *y*, возникший в результате сокращения долгого в большинстве силезских говоров функционирует в качестве самостоятельной фонемы, в некоторых периферийных говорах – как выразительный фонетический вариант *i*, например, *ryba, kobyła, tŕy/tŕi; byk, stary, hŕych/hŕich...*

6б. Исторический *u* (в том числе $u < o$), равно как и *u*, возникший в результате сокращения долгого *ú*, в положении после твердых согласных сохранился, например, *dub, duša, ruka..., huser, muka*. Сохранился он в большинстве говоров и после мягких согласных, хотя в некоторых говорах мы наблюдаем рефлексy непоследовательного перехода $'u > i/y$; например, *cuzy, lude..., g dostaŕu..., 3-е лицо множественного числа volaju/volajum × винительный падеж ед. числа inačy cestu, творительный падеж inačy cestu(m) / inaču, inaču(m)..., rybi polefku, rybí polefku(m) / rybju, rybju(m)*.

7а. Исторический *e* (в том числе $e < ě$) в большинстве говоров сохранился, однако в части говоров в положении перед носовыми согласными он перешел в *i* или в *y*, например, *ešče, tŕeba (/tŕa)...*, *ňemy/ňimy, jemu/jimu, panenka/panynka*. Исторический *é* (в том числе $é < e$) в части говоров *e*, в части – после мягких и исторически мягких согласных *i* или *y*, например, *delka, dobreho × mleko/mliko; ňesť (ňes'c'/ňesč) / ňis'c'; jež/již 'ježek', břeh/břih/břyh*. исторический долгий *ě* (*ĭé*) почти на всей территории силезских говоров перешел в *i* или в *y*, например, *mira, pisek; hŕich, tŕiska / hŕych, tŕyska*.

В некоторых периферийных говорах на месте исторического долгого *ě* встречаются *ej* или *e*, на месте долгого *é* – *ej*.

7б. Исторический *o* в большинстве говоров сохранился, однако в части говоров в положении перед носовыми согласными он перешел в *u*, например, *kopec, noha, kupovať (-c'/-č) || honem/hunym, chromy/chrumy*. Исторический *ó* (а в ряде случаев и $ó < o$) почти во всех говорах перешел в *u*, например, *kuň, hruza, rusť (rus'c'/rušč); schod/schud, drozd/druzd, un*.

В некоторых периферийных говорах на месте исторического *o* встречается *uo*, а на месте *ó* или *o* перед носовыми согласными – *ô*.

8. Исторический *a* (включая *a < e*) сохранился в положении после твердых согласных, а в большинстве случаев также и после мягких согласных. Исторический долгий *á* (в некоторых случаях также и *á < a*) в большинстве говоров перешел в *a*, однако в некоторых говорах дал *o*, который мог перед носовыми согласными перейти далее в *u*, например, *had*, *obraz*, *blazen* / *hod*, *obroz*, *blōzyn*; *tam*, *pan* / *tum*, *pun*. В большинстве говоров сохранилось и сочетание *aj* (иногда как *oj*), например, *fčerajši/-y*, *předaj/předoj*. Тем не менее в восточных говорах на месте этого сочетания мы находим также и *ej*, например, *nejdelši*, *dej* || *daj/doj*.

В случае с рефлексам исторических *ä* и *ä'* силезские говоры ведут себя аналогично говорам восточно-моравским. Распространенные по всей территории силезских говоров примеры типа *ležet'/c'/-č* – *ležel* являются результатов не перегласовки *ä > ... > e* или *ä' > ... > e*, а аналогического выравнивания по образцу глаголов типа *letět'/lec'ec'*. Точно так же не являются результатом перегласовки и формы винительного падежа личных и возвратного местоимений *mje*, *te/c'e/če*, *se/s'e*.

В баборовских говорах остравской подгруппы на месте исторического долгого *á* мы встречаем *au*, например, *kabaut*, *jau*, *raud*.

9. Примеры типа *hrach*, *blato*, *rana*; *nama*, *vama* / *nami*, *vami*; *byť*, *dat'*, *chcet'* (*-c'/-č*) говорят о том, что краткость гласных в них – старая, так как мы не находим результатов качественных изменений долгих гласных, о которых речь шла в предыдущих строках (пункты 7 и 8).

10. Ассимиляция *sh-* > *zh-*, а также сохранение сочетаний *šč*, *žž* сближает силезские говоры с говорами центрально-моравскими и восточно-моравскими.

В именном словоизменении силезские говоры характеризуются следующими особенностями:

11. Соотношение между твердыми и мягкими типами словоизменения существительных в силезских говорах в целом такое же, как и в центрально-моравских и восточно-моравских. В качестве особенности следует отметить окончание именительного и винительного падежа единственного числа у существительных среднего рода типа *srco* (*ložo, polo, poledňo*), совпадающую с окончанием соответствующего твердого типа. Аналогично центрально-моравским и в отличие от восточно-моравских говоров окончание местного падежа единственного числа мягкого склонения существительных мужского и среднего рода выровнено окончанию дательного падежа, например, *na biču, na srcu*.

12a. Так же, как и в центрально-моравских и восточно-моравских говорах, имена существительные типа *hošť/hos'c'/hošč, kořeň, lokať/lokec'/lokeč; kolňa, pekarňa, Maruša, Julia; ledeň, březeň* изменяются по мягкому склонению.

12b. В отличие от большинства центрально-моравских и восточно-моравских говоров, существительные на *-s, -z* изменяются по твердому склонению. По твердому же склонению изменяются и существительные с основой на *-l*.

13. Окончания творительного и местного падежей единственного числа форм мужского и среднего рода прилагательных твердого склонения, а также охарактеризованных по роду местоимений в большинстве силезских говоров совпадают, например, *o starym – ze starym; o tym, našym/našim – s tym, našym/našim*.

14. Так же, как в центрально-моравских и восточно-моравских говорах, В положении именительного падежа множественного числа охарактеризованных по роду местоимений реализуется также категория одушевленности, например, *ťi (c'i/čy) našy(-i) stary (-i) × ty naše stare*.

15. Характерное для собственно-чешских и моравских говоров окончание *-ma (-ama/-oma)* встречается лишь в части силезских говоров, в большей же части силезских говоров, как и в говорах чешско-польских, преобладают формы типа *břehami, horami*.

В области глагольного словоизменения следует говорить о следующих особенностях силезских говоров:

16. Форма глагола *být*, употребленная в экзистенциональном значении, а также в качестве глагола-связки, выглядит в большинстве говоров как *(já) sem je*, в некоторых же говорах как *joŭ je*.

17. В конструкциях 1 лица единственного и множественного числа прошедшего времени форма глагола *být* в большинстве говоров сохраняется, даже если лицо выражено личным местоимением.

18. У глаголов, форма императива 2-го лица единственного числа которых оканчивается на *-i/-y*, формы множественного числа оканчиваются на *-imy* (*-ime/-ima*), *-iře* (*-ic'e/-iče*) / *-ymy*, *-yře*.

19. Страдательные причастия, как и в центрально-моравских или восточно-моравских говорах, встречаются только в полных формах.

20. Остатки деепричастия настоящего времени, как и в собственно-чешских говорах, встречаются лишь в редких адвербиализированных выражениях.

21. Ударение в словах с тремя и более слогами на предпоследний слог.

22. Изменение $v > f$ в положении после глухого согласного, например, *tfrdy*, *kfičeti/-c'/č*, *sfuj*.

23. Звонкое произношение парных по звонкости / мягкости согласных перед гласными, а также некоторыми согласными в положении на конце слова и на межморфемном шве в примерах типа *chľab* (*chľob*) *aňi*; *nuž ňechcu*; *g mostu*; *kubmy*, *ňemľuvmy* / *kubme*, а в большинстве говоров также и в примерах *zmy* / *zme* при сохранении в некоторых говорах *smu* / *me*.

24. Частое отсутствие протетического *j* в начале слова, например, *iťis'c'/išč* (*yt*), *iskra*, *idlo* (*yskra*, *ydlo*).

25. Отсутствие протетического *v-* перед *o-* в начале слова или части сложного слова, например, *oheň*, *zaopatřyt'/-c'/-č*.

26. Меньшее распространение окончания *-u* формы родительного падежа единственного числа твердого склонения неодушевленных существительных твердого склонения в меньшем объеме, чем в говорах Моравии и Чехии при одновременном проникновении этого окончания в склонение существительных мягкого типа склонения, например, *pľači*, *čaju*, *kuru*.

27. Использование в позиции родительного падежа множественного числа существительных мужского рода падежного окончания *-uv/-ův* (*-uf/-ůf*), например, *chľapuv*, *dubuv*, *pekařuv* / *chľapův*, *dubův*, *pekařův*. Подобные формы оказываются омонимичными с формами именительного падежа единственного числа мужского рода притяжательных местоимений, выражающих принадлежность лицу мужского рода.

28. У одушевленных существительных мужского рода форма винительного падежа множественного совпадает с формой падежа родительного, например, *vižel sy tych synkuf*, *pivo pro mulařuv*.

29. У существительных типа *kuřa* окончания косвенных падежей единственного (но не множественного) числа оказываются выровненными по мягкому типу склонения, например, родительный падеж *kuřaťa/-c'a/-ča*, родительный падеж *kuřaťu/-c'u/-ču*. Во множественном числе мы находим ожидаемое *kuřata*, *kuřat*, ...).

30. Будучи употреблен в положении дательного падежа, форма местоимения *mi* часто оказывается ударной, например, *mi se zda*. Что же касается личного местоимения второго лица, а также возвратного местоимения, то в силезских говорах нередко используются их полные формы в ситуациях, когда в других чешских диалектах используются формы краткие, например, *pravi sobje*.

31. В окончаниях творительного и местного падежей твердого склонения местоимений устранены чередования согласных, например, *tym, jednym; tych; tym; tymi/tyma*.

32. При словоизменении местоимений *muj, tvuj/tfuj, svůj/sfuj* преобладают нестяженные формы, например, *mojeho/mojiho, mojemu/mojimu; moja, tvoja; moji/mojej*.

33. Различение значения одушевленности/неодушевленности формами именительного падежа мужского рода числительных *tře/třo, čtyře × tři/třy, čtyry* при том, что числительное *dva* этой категорией не охвачено даже в говорах, где исторический *á* перешел в *o*.

34. Формы инфинитива большинства глаголов (кроме глаголов с праславянской инфинитивной основой на *-k- / -g-*) оканчиваются на *-ě/-c'/-č*, например *ňest'ňes'c'/ňis'c'/ňešč, volať/-c'/-č*. Инфинитивы глаголов с праславянской основой на *-k- / -g-* оканчиваются на *-с*, например, *pec/pic, moc*.

35. У глаголов, инфинитивы которых содержат сочетание *-nu-*, при образовании эловых причастий это сочетание может опускаться, например, *chytнул, ohnul, uschnul... × chytla, ohla, uschla; začnul* (|| *začal*), *užnul, utnul... × začla* (|| *začala*), *užla, utla; začnuť/-c'/-č* (|| *začat*), *začnuty* (|| *začaty*).

36. Форма 2 лица единственного числа глагола *být* в функции экзистенциональной, а также в функции связки выглядит как *sy/s'i*, в составе же конструкции прошедшего времени – как *sy/s'i* || *-s/-s' (-z/-z')*, например, *dal sy mu to? || dalz mu to?...*

37. Формы императива глагола *být* выглядят как *bud'buž'/buž, bud'my...*

38. Форма 3-го лица множественного числа глагола *chtít* выглядит как *chcu (chcum)*.

39. Форма кондиционалиса 1-го лица единственного числа в случаях, если лицо выражено личным местоимением, может выглядеть как *já by dal*.

1. Мягкие фонемы *ṭ, ḍ* реализуются в качестве мягких неассимилированных звуков, например, *ṭicho, ḍeḍina..., ṭemny, ḍeň*.

2. Отсутствуют мягкие свистящие, на месте исторических *s', z'* представлены твердые *s, z*, например, *nosyť, zyma; seno, zať* 'зять'

3. Фонема *y* представлена после твердых согласных, в том числе *y* из *i* после отвердевших свистящих, шипящих и *ř*, например, *byť, vysoký, syn, mlyn, chyť; cyť, nosyť, zyma; ucyť, šydlo, život, příkopa... × biť, vidět, list..., ṭicho, ḍivoký, ňiṭ*.

4. На месте исторического *é* везде *e*, например, *delka, dobre mleko, polefka, ňesṭ*.

5. В отличие от других силезских говоров отсутствуют рефлексy компенсаторного продления гласных в масштабах бóльших, чем в собственно-чешских и моравских говорах, ср., например, отсутствие рефлексов продления в примерах *drozd, schod; koľ, slov, hor, jahod*. Единственное исключение – форма именительного падежа единственного числа мужского рода местоимения 3-го лица *on*, выглядящая так же, как и в иных силезских говорах.

6a. В творительном падеже множественного числа всех типов склонения преобладает окончание *koncovka -mi (-ami...)*, например, *za starými horami*.

6b. В дательном падеже множественного числа существительные мужского рода оканчиваются, как правило, на *-um*, существительные женского рода – на *-am*, среднего – на *-um* или на *-am*, например, *susedum, pekařum; horam, sukňam; stadam || stadum, polam*.

6c. В местном падеже множественного числа существительных всех родов преобладает окончание *-ach*, в некоторых говорах также *-och*, например, *susedach, stadach, horach... || susedoch, stadoch, horoch*.

7. В именительном, винительном и творительном падежах единственного числа мягкого адъективного склонения мы имеем результаты выравнивания по типу *inačy cesta – inačy cestu*.

8. Формы дательного падежа (*sy*) и винительного падежа (*se*) возвратного местоимения не совпадают.

9. Формы 3-го лица множественного числа образуются с помощью окончаний *-u, -a, -aju*, например, *ňesu; prosa, umja; volaju*. Форма 3-го лица глагола *jíst* выглядит как *jeḍa*, глагола *vědět* – как *vjeḍa*.

Štramberk (německy *Strahlenberg* nebo *Stramberg*) je město na Moravě v okrese Nový Jičín poblíž Kopřivnice. Žije zde přibližně 3 500 obyvatel.

Štramberk

Celkový pohled

znak

vlajka

a) Ze Štramberka, okr. Nový Jičín (muž, 1849)

V Lichnovje sobje vzal chudobny chasník bohatu ropku.¹ Hrubje s nim narabjala,² eš³ se pustila do něho a vyhaňala ho. Chlap sy najprem⁴ myslel: Co by otchočil?⁵ A potem zase mu vyčytala, co je jeho a_cy zebere a ať tahňe. Chasník sy doñez_edem⁶ šaty a do pinklika⁷ spakoval. Davał na ňu pozor, a jak šla, mjela ocasky⁸ viseť. Drapňe pinkel ze šatama a robu za ocasek a drap s ňu přez rameno a do dveřych se brał furt.⁹ Roba řvala, aď ju pustí, ale un ňic: Tyz mi řekla a_cy vemu co je mojiho, a ty sy tež moja, toš po_ce mnu.

¹ ženu ² špatně s ním nakládala ³ až ⁴ nejprve ⁵ proč bych odcházel ⁶ jenom ⁷ do uzlíku ⁸ copy ⁹ pryč

(Ad. Kellner, Štramberské nářečí, s. 105.)

Obec **Lichnov** (něm. *Lichnau*) se nachází v okrese Nový Jičín v Moravskoslezském kraji. Žije zde přibližně 1 500 obyvatel.

Lichnov

Kostel sv. Petra a Pavla

znak

vlajka

b) Z Lichnova u Frenštátu, okr. Nový Jičín (žena, 1868)

Jednej hospodyni bylo divne, že ji kravy nadobře¹ málo doja. Tož naľudila² chľapca, aby vyhnaľ spješej ež³ gdy inda a daval dobry pozor. Byla mľhla a aji trochu rosa, a tu chľapez_uvidel, jak suseda chodiľ po mezy, smyče za sebu travňicu⁴ a povjeda: Na puľ užytečku, na puľ užytečku! Ona ňevideľa teho chľapca, ale chľapez ju dobre, zďelaľ z hlavy mjech,⁵ začaľ ho smykať po tych samych mistach a praviľ: Na ceľy užyteček, na ceľy užyteček. Jak potom přyhmaľ domu, tož hospodyň hodňe nadojila, a suseda uš potom nechodiľa s travňicu po mezy, lebo se dovjedela, že ju tam videli. Byla to čarodeňica.

¹ velmi ² navedla ³ než ⁴ plachtu na nošení trávy ⁵ pytel

(F. Horečka, Nářečí na Frenštátsku, s. 72; přepsáno.)

